

Эйлау 1807 года: точки зрения на соотношение сил, ход и итоги сражения

В изучении истории войн и сражений XIX века исследователь часто сталкивается с различными, порой противоположными, точками зрения на события прошлого. В таких случаях необходим критический подход к имеющимся данным и поиск новых наиболее достоверных источников.

Как известно, значительная часть официальной информации по истории войн и сражений выполняет, прежде всего, политическую задачу. История сражения при Прейсиш-Эйлау 7–8 февраля 1807 года не является исключением, а скорее, наоборот, подтверждает это правило. Явный победитель в сражении не выявился, и обе стороны – как Россия, так и Франция – были заинтересованы в собственной трактовке его хода и итогов. В известной фразе Наполеона, сказанной в 1809 году А. Чернышеву, мы видим явно не случайные слова: «Я назвал себя победителем при Эйлау, лишь потому, что вы изволили отступить»¹. Есть основания полагать, что император Франции взвешенно подобрал слова: *я назвал себя победителем* вместо *выиграл*, *вы изволили отступить* вместо *бежали*. Возможно, что эта фраза Наполеона как бы подчеркивает его неуверенность в оценке итогов сражения.

В настоящее время в отечественной, а также в зарубежной историографии имеется широкий спектр взглядов на одно из крупных сражений русско-прусско-французской войны 1806–1807 годов. В связи с этим нам представляется интересным рассмотрение точек зрения на соотношение сил, ход и итоги сражения при Прейсиш-Эйлау с целью более объективного подхода к истории события.

Как известно, после объявления Россией войны Франции 16 ноября 1806 г. на театр боевых действий к Висле была направлена

русская армия. В её составе было два корпуса общей численностью 100 тысяч² (по другим данным – 120 тысяч³) человек при 492 орудиях. Английский историк Д. Чандлер считает, что русская армия насчитывала 90 тысяч человек.⁴ Армия Наполеона, в свою очередь, была численностью свыше 150 тысяч человек (А. Михайловский-Данилевский)⁵, но в походе в Восточную Пруссию могли участвовать от 105 тысяч (Е.В. Тарле)⁶ до 135 тысяч человек (Т. Рогацки), из которых около 26 тысяч приходилось на кавалерию⁷.

До Эйлау обе армии, естественно, понесли определённые потери на маршах и в боях и, таким образом, соотношение сил непосредственно перед сражением 8 февраля 1807 г. было следующим. В распоряжении русского командующего Л. Беннигсена было «от 78 до 80 тысяч человек при 430 орудиях»⁸. Эти цифры даёт в своих воспоминаниях о сражении его участник Д. Давыдов. Сам же генерал Л. Беннигсен в своих «Записках» писал, что в составе армии «оставалось до дня великого побоища (сражения при Прейсиш-Эйлау. – А.И.) едва 60 000 человек строевых и нестроевых»⁹. Во второй половине дня на поле сражения появился корпус под командованием прусского генерала Лестока численностью, как почти единодушно указывают во многих публикациях, в 8–9 тысяч человек. Только вот в рапорте самого Лестока указывается 5 584 человека.¹⁰ Это же количество называет и Т. Рогацки. Возможно, что прусский генерал в рапорте даёт число только прусских солдат, а польский историк в своей работе опирается только на этот источник. Ведь известно, что в корпусе Лестока были Выборгский мушкетёрский полк и казачьи отряды. Но возможно, что прусский генерал таким образом желал подчеркнуть значимость его роли в сражении, а также мужество прусских солдат. Русский военный историк начала XX века Б. Колюбакин общую численность русской армии без корпуса Лестока определяет «в пределах 68–74.000, считая, в том числе, 2.400 казаков»¹¹.

К данным, которые называются в российской историографии, близка численность русской армии, указанная французским историком XIX века А. Тьером – 72 тысячи человек¹² и немецким исследователем Х. Шульцем – 75 тысяч человек¹³. Упомянутый выше Д. Чандлер

определяет численность армии Л. Беннигсена в 69 тысяч человек, подчёркивая преимущество русской артиллерии (460 орудий).¹⁴

Сопоставляя названные данные, можно предположить, что общая численность русской армии (включая корпус Лестока) при Прейсиш-Эйлау могла составлять от 70 до 75 тысяч человек при более чем 400 орудиях. Причём превосходство русской артиллерии отмечается в большинстве источников и публикаций.

Наполеон утром 8 февраля 1807 г. имел в своём распоряжении два пехотных корпуса – маршалов Сульта и Ожеро, кавалерию маршала Мюрата и гвардию общим числом от 40 тысяч (Т. Рогацки)¹⁵ до 45 тысяч человек при 200 орудиях (Д. Чандлер)¹⁶. Это вдвое меньше числа, указанного самим Л. Беннигсеном. По его предположению, «французская армия в сражении при Прейсиш-Эйлау должна была иметь не менее ста тысяч человек»¹⁷. С приходом корпуса маршала Даву армия французского императора при Эйлау могла увеличиться на 30 тысяч (Л. Беннигсен)¹⁸, на 15 тысяч (А. Тьер)¹⁹ или на 14 тысяч человек (К. Блейбтрой)²⁰.

Таким образом, в целом с французской стороны в сражении могли принимать участие от 59 до 75 тысяч человек при 200 орудиях. Возможно, что это так. Ведь с Наполеоном в сражении при Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 г. не было корпусов маршалов Нея и Бернадота, в оккупированных городах император оставлял гарнизоны, тяжёлые условия зимней кампании и небольшие, но многочисленные стычки с противником сокращали численность его действующей армии. Изучая боевое расписание французской армии на конец января 1807 года, современный французский исследователь Ж. Гарнье общую численность сил Наполеона определяет в 64 500 человек.²¹

В российских публикациях чаще всего численность армии Наполеона при Эйлау определяют в 70 тысяч человек при 450 орудиях²², т. е. завышают прежде всего численность артиллерии и, таким образом, уравнивают силы противников.

Как известно, Наполеон, преследуя русскую армию, догнал её во второй половине дня 7 февраля 1807 г. на дороге из Ландсберга (Гурово-Илавецки, Польша) к Прейсиш-Эйлау. В результате упорного

боя на подступах к городу и кровопролитных схваток на его улицах поздней ночью Прейсиш-Эйлау достался французской армии. Несмотря на потерю города, русский главнокомандующий всё же готовился к генеральному сражению. Возможно, это решение подсказывал осмотр местности и удобства позиции или стечение обстоятельств, дававшее численное превосходство русской армии.

А что же Наполеон? По мнению Д. Давыдова, император Франции только утром понял, что 8 февраля придётся иметь дело не с арьергардом, но со всей русской армией. «Не может быть, чтобы в эту минуту великий полководец не упрекнул себя в удалении корпусов Нея и Даву, – пишет Д. Давыдов – ...и не подосадовал на судьбу, лишившую его в такой решительный день содействия корпуса Бернадота. Гонцы полстели к Даву и к Нею с приказами немедленно обратиться им к Эйлау»²³. Может быть, это и так, но нам представляется, что Наполеон, остановясь в Эйлау, знал, что русские не намерены уходить после потери города ночью, а делать это утром – предприятие, грозящее разгромом армии на марше. Поэтому Наполеон скорее предполагал, что Л. Беннигсен готов дать сражение, и гонцы к маршалам Нею и Даву были направлены накануне вечером, т. е. 7 февраля. Об этом уломинает А. Тьер, и это доказывает достаточно быстрый приход к месту сражения пехотного корпуса Даву. А вот к маршалу Нею те самые гонцы, видимо, не добрались: либо заблудились, либо были пленены или убиты. Приказ о немедленном прибытии к левому флангу армии Наполеона у Эйлау маршал Ней получил от своего адъютанта Фезанзак (если, конечно, доверять мемуарам этого французского офицера) в 2 часа дня 8 февраля, когда его корпус находился в движении на Кройцбург (пос. Славское).²⁴ Но времени для исполнения приказа было недостаточно, и корпус Нея, как известно, прибыл к месту сражения только ночью. Ряд историков, как отечественных, так и зарубежных, опоздание корпуса Нея к битве ставят в заслугу арьергарду корпуса Лестока – бригаде Илеца, которая сковала движение французов у Кройцбурга и дала

возможность основным силам прусского корпуса быстро уйти к Прейсиш-Эйлау и сыграть известную роль в сражении.

Итак, рано утром 8 февраля обе армии готовились к сражению и выстраивались боевыми порядками. Некоторые авторы публикаций, видимо, вслед за А. Ермоловым, считают ошибкой Л. Беннигсена формирование сильного правого фланга русской армии (12 тысяч человек при более чем 60 пушках), имея перед собой болотистую местность.²⁵ Говоря об этом, следует учитывать то, что здесь напротив русских весь день стояли четыре лёгкие кавалерийские бригады и две пехотные дивизии из корпуса маршала Сульта. Заболоченные места могли быть проходимы, так как накануне температура воздуха опускалась до минус 15 градусов. Но главное, этот фланг прикрывал собой дорогу на Кенигсберг, который был целью отхода русской армии. Пассивность же Наполеона здесь объясняется, скорее всего, тем, что нанесение главного удара он возлагал не на корпус Нея (ведь император, скорее всего, не получил подтверждения в получении своего приказа), а на уже подходящий корпус Даву. Поэтому стоящая ещё рано утром на левом фланге дивизия Сент-Илера была переведена на правый фланг французской армии. То же самое произошло и с большей частью кавалерии, стоящей рано утром по обе стороны Ландсбергской дороги в центре французской позиции. Этой точки зрения придерживался ещё в начале XX века и Б. Коллобакин, утверждая: «Противно установившемуся у нас до сих пор представлению о Прейсиш-Эйлауском сражении... констатируем, что сражение это началось с обходного манёвра Даву, совершенно своевременно и ещё с первым светом подошедшего с головными частями корпуса к намеченному исходному пункту обхода нашей армии...»²⁶.

Противоречивы взгляды на события утра 8 февраля на правом фланге русской армии, где с началом сражения сильнее всего гремела артиллерийская канонада. По мнению Д. Давыдова, огонь русских пушек должен был воспрепятствовать дивизиям Левалья и Леграна из корпуса Сульта и лёгкой кавалерии атаковать позиции русских. Однако, как говорилось выше, Наполеон планировал свой главный удар в другом месте, и поэтому активный артиллерийский ответ французских батарей в

этой части поля сражения можно считать попыткой отвлечь внимание Л. Беннигсена от левого фланга русской армии, куда и планировался удар корпуса Даву. Д. Чандлер считает, что Наполеон даже нанёс отвлекающий удар корпусом Сульта по правому флангу русской армии. Французское описание сражения говорит обратное: «русские первыми испытали некоторое беспокойство, – пишет А. Тьер, – и желая достичь результатов взятием Эйлау они всколыхнулись, чтобы взять позицию у мельницы слева от города. Их правая часть сформировалась в колонну и пыталась нас атаковать»²⁷. Однако после боя за мельницу события здесь не имели продолжения. Это лишний раз подтверждает осторожность Л. Беннигсена, который, избрав оборонительную тактику, ждал активных действий противника. А французский император не торопился, планируя нанести главный удар на левом фланге русской армии, он ожидал развёртывания корпуса маршала Даву.

Передовые силы корпуса «Железного маршала», дивизии Фриана и Морана, подойдя к полю сражения, против планов Даву встретили сопротивление сначала отряда Багговута у Серпаллена (ныне не существует), а чуть позже, при обходе Серпаллена, – ещё и отряда графа Каменского у Кляйн-Саусгартена (Большое Озёрное). На первом этапе это обстоятельство несколько замедлило наступление французского корпуса. Чуть позже на этот участок поля сражения подходит и остальная часть сил Даву – дивизия Гудена. Изменившаяся ситуация заставила Л. Беннигсена начать передвижение части резерва (около 8–10 тысяч человек) для поддержки своего левого фланга. С точки зрения А. Тьера, это обстоятельство заставило Наполеона около 10 часов отдать приказ корпусу Ожеро и дивизии Сент-Илера сдвинуться вправо для совместных действий с разворачивающимся корпусом Даву. В немецких публикациях иногда этот маневр расценивается как атака в центр русской позиции. Возможно, что это произошло потому, что маневр для корпуса Ожеро закончился кровопролитным боем.

Был ли это маневр, или собственно атака, но, как известно, в центре поля сражения произошёл кровопролитный бой, в результате которого корпус маршала Ожеро был почти разгромлен.

Чтобы восстановить равновесие сил в центре и создать благоприятные условия для продолжения обхода русской армии корпусом Даву, Наполеон организует атаку на центр русской позиции силами резервной кавалерии маршала Мюрата и гвардейской кавалерии маршала Бессьера. Атака была жёсткой и добавила мёртвых тел в центре поля сражения, но окончательно не дала возможности русскому главнокомандующему использовать резерв на своём левом фланге. После прорыва первых линий русской армии французские кавалеристы были остановлены. С немалыми потерями они вернулись на исходные позиции. Д. Давыдов считал, что это был благоприятный момент для общего наступления, которое принесло бы победу. Но Л. Беннигсену, по мнению будущего героя Отечественной войны 1812 года, при знаниях, твёрдости и расчётливости якобы не хватило только вдохновения. Может быть и так, а может быть, что выдержка главнокомандующего и спасла армию от грозящего ей полного разгрома. Ведь Серпаллен же был взят французами, а корпус Даву вместе с дивизией Сент-Илера начинал наступление на левый фланг русской армии, постепенно охватывая её позиции. После перестроения к этой атаке на левый фланг русской армии готовы были присоединиться уже потрёпанные в бою кавалерийские дивизии Клейна, Груши и д'Опу, а также и остатки корпуса Ожеро.

Наступление правого фланга французской армии имело успех. Левый фланг русских был смят и рассеян. Французы овладели Кляйн-Саусгартеном, Кучиттеном (п. Знаменское) и Ауклаппеном (п. Малое Озёрное), заняв высоты Крегеберг, простреливали с фланга центральную позицию русской армии и резерв. Над всей русской армией нависла угроза окружения. Положение было спасено рядом факторов, в том числе или в большей степени прибытием к месту сражения корпуса под командованием генерала Лестока. Этот последний эпизод кровавого сражения хорошо описан в российских и французских и особенно в немецких публикациях. С одной только разницей – в определении главных героев события. С приходом поздно вечером корпуса маршала Нея баланс сил изменился в пользу французов, но итог сражения всё же был неопределённым. Генерал

Беннигсен в ночь на 9 февраля увёл армию на Кенигсберг. Наполеон, в свою очередь, также вышел из города и, лишь узнав об отходе русских, на следующий день вновь вернулся в Прейсиш-Эйлау.

Потери обеих сторон в сражении были большие. Но в различных источниках и публикациях называются разные цифры. Д. Давыдов пишет: «...урон наш в этом сражении... до 37 тысяч человек убитых и раненых»²⁸. Потери французов он не указывает, но считает, что они могли быть не меньшими. Л. Беннигсен, подчёркивая кровопролитность сражения, потери русской армии определяет примерно до 9 тысяч убитыми и 7 тысяч ранеными.²⁹

А. Михайловский-Данилевский считал, что русские потеряли до 26 тысяч человек, французы – 18 тысяч человек.³⁰ В российских публикациях потери французов иногда определяют и в 30 тысяч человек.³¹ Возможно, что эта цифра есть результат многократного использования, с искажениями на определённом этапе, одного из источников по данной теме, а именно: письмб участника сражения Г. Шарнхорста своему другу Ф. фон Блюхеру. В нём будущий прусский реформатор со ссылкой на указания пленных потери французской армии определяет именно в 30 тысяч человек.³² Эта же цифра называется и командующим русской армии Л. Беннигсеном.

Во французских публикациях вслед за А. Тьером потери русской армии исчисляют так: 7 тысяч убитых, 20 тысяч раненых, 3–4 тысячи пленных.³³ Итого 30–31 тысяча человек. Потери французской армии исчисляются в 10 тысяч человек, из которых 3 тысячи убитых и 7 тысяч раненых.³⁴ Наполеон же официально в 58-м бюллетене Великой армии указал 1 900 убитых и 5 700 раненых.³⁵ Занимая потери своей армии, французский император, скорее всего, преследовал чисто политические цели. Любопытно, что в рапортах командиров корпусов число раненых выросло до 15 тысяч человек, хотя по данным инспектора госпиталей их было всего около 7 тысяч.³⁶ Это было связано с тем, что каждый из маршалов отстаивал страдания своих солдат и пытался подчеркнуть

свою роль в этом сражении. К указанным потерям французской армии можно добавить и около 2 тысяч пленных, о которых сообщает Д. Давыдов.³⁷

Таким образом, общие потери французской армии при Эйлау, по данным, указанным во французских публикациях, могли быть около 12 тысяч человек. Кстати, в том числе Наполеон потерял четырёх своих генералов – д'Опу, Далмана, Дежардена и Корбино; маршал Ожеро, генералы Эделе и Лоше были ранены. По мнению Д. Чандлера, потери французской армии могли быть около 25 тысяч убитыми и ранеными.³⁸

Современный российский историк В. Шиканов, делая подсчёт потерь французской армии в этом сражении, приводит следующие данные: убито 2 043 человека, ранено 17 758 человек, пленено 348 человек, что составляет, как указывает этот исследователь, около 44 % списочного состава армии Наполеона на день сражения.³⁹ Нам кажется, что в получении последнего показателя В. Шиканов соотносит общие потери с первоначальной численностью французской армии, т.е. без учёта корпуса Даву, которого к началу сражения не было в распоряжении Наполеона. Таким образом, если считать что в сражении со стороны французов, как указывалось выше, участвовало не менее 60 тысяч человек, то потери могли составлять примерно 34 %.

У немецкого исследователя Х. Шульца данные о потерях выглядят следующим образом: русские – около 25 тысяч человек, из которых 7 тысяч погибших и 18 тысяч раненых, французы – 4 893 убитых, 23 598 раненых и 1 152 без вести пропавших, потери прусских солдат исследователь определяет в 800 человек убитыми и ранеными.⁴⁰ Значительное число раненых, нуждающихся в помощи, вероятно, замёрзли в ночь после сражения или умерли на марше при отходе армии. Как это ни трагично, но возможно, что это так. Ведь в Кенигсберг после битвы прибыло только около 12 тысяч раненных русских воинов.⁴¹ В 64-м бюллетене Великой армии уже в марте 1807 г. подчёркивался трагизм ситуации, что

«даже через 48 часов после битвы более 500 русских раненых ещё не было вынесено».⁴² В Журнале военных действий императорской российской армии потери армии Л. Беннигсена определили в 12 тысяч убитыми и 7,9 тысяч ранеными.⁴³

Несмотря на серьёзные потери, каждая из сторон посчитала себя победителем, и результаты сражения полководцами, прежде всего Наполеоном, трактовались сообразно ситуации и политической выгоды.

Российский император Александр I, получив известия о сражении, написал генералу Л. Беннигсену: «На Вашу долю выпала слава победить того, кто ещё никогда не был побеждён».⁴⁴ А в Пруссии, по крайней мере, до Фридландского сражения, Л. Беннигсена называли «INVICTI VICTOR» – «победитель непобеждённого».

Следует также заметить, что своё мнение оба императора закрепили, учредив специальные награды по случаю сражения. Во Франции была изготовлена памятная медаль с надписью «VICTORIAE MENENTI BATAILLE DE PREUSS. EYLAU VIII.FEVRIER MDCCCVII» (Победы продолжают...). А в России для награждения отличившихся офицеров был учреждён золотой знак в форме ордена святого Георгия с надписью «Победа при Прейш. Эйлау 27 ген. 1807 г.»⁴⁵.

Только в одном сошлись все точки зрения – в огромных потерях обеих армий. Несмотря на расхождения в количественных данных, в целом обе армии потеряли от трети до половины от первоначальной численности. И не случайно сражение при Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 года стоит в ряду самых кровопролитных в истории наполеоновских войн.

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹ Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 117.

² Восточная Пруссия. С древнейших времён до конца Второй мировой войны. Калининград, 1996. С. 308.

³ Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1982. С. 62.

⁴ Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 2000. С. 322.

⁵ Восточная Пруссия. С. 308.

⁶ Тарле Е.В. Избранные сочинения в 4-х томах. Т. 2. Ростов н/Д, 1994. С. 187.

⁷ Rogacki T. Preussisch Eylau. 7–8 II. 1807: kampania zimowa Napoleona w Prusach Wschodnich (3.I – 1.III.1807). Naklo, 1991. S. 1.

⁸ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 66–67.

⁹ Майков П.М. Записки графа Л.Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. СПб., 1990. С. 148.

¹⁰ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 74.

¹¹ Коллюбакин Б.М. Сражение у Прейсиш-Эйлау. СПб., 1911. С. 10.

¹² Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. T. VII. Paris, 1847. P. 375.

¹³ Schulz H. Preussisch-Eylau eine Kreisstadt in Ostpreussen. Lübek, 1998. S. 60.

¹⁴ Чандлер Д. Указ. соч. С. 333.

¹⁵ Rogacki T. Op. cit. S. 50.

¹⁶ Чандлер Д. Указ. соч. С. 333.

¹⁷ Майков П.М. Указ. соч. С. 148.

¹⁸ Там же. С. 144.

¹⁹ Thiers A. Op. cit. P. 373.

²⁰ Bleibtreu K. Die Große Armee. 1805–1806–1807. Bd. I. Stuttgart, 1906. S. 161.

²¹ Garnier J. La bataille d'Eylau une victoire sanglante (8 février 1807) // Napoléon I. Le magazine du Consulat et de l'Empire. 2002. № 16. P. 33.

²² Например: Базалин В.Н. Фельдмаршал Барклай. М., 1992. С. 86.

²³ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 68–68.

²⁴ Fezensak D. Souvenirs Militaires de 1804 a 1814. Paris, 1863. P. 147.

²⁵ Ермолов А.П. Записки. М., 1991. С. 85.

²⁶ Коллюбакин Б.М. Указ. соч. С. 13.

²⁷ Thiers A. Op. cit. P. 379–380.

²⁸ Давыдов Д. Указ. соч. С. 77.

²⁹ Майков П.М. Указ. соч. С. 147.

³⁰ Ларин В.С. Земли родной минувшая судьба // Запад России. 1996. № 13. С. 38.

³¹ Коллюбакин Б.М. Указ. соч. С.30; Восточная Пруссия. С. 308.

³² von Schamhorst G.: Privatbriefe / mit Kommentar u. e. Anh zum Nachdr. Von Heinz Stübige München, 1980. S. 312.

³³ Thiers A. Op.cit. P. 395–397.

³⁴ Ibid. P. 395.

³⁵ Correspondance. T. 14. Paris, 1863. P. 295.

³⁶ Thiers A. Op.cit. P. 396.

³⁷ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 77.

³⁸ Чандлер Д. Указ. соч. С. 340.

³⁹ Шиканов В.Н. Первая польская кампания. 1806–1807. М., 2002. С. 173.

---

⁴⁰ Schulz H. Kreis Preussisch-Eylau. Geschichte und Dokumentation eines ostpreussischen Landkreises. Verden/Aller, 1993. S. 99.

⁴¹ Гаузе Ф. Кёнигсберг в Пруссии. История одного европейского города. Рёклингхаузен, 1994. С. 161.

⁴² Bataille de Preussisch-Eylau. Paris, 1807. P. 15.

⁴³ Журнал военных действий Императорской российской армии с начала до окончания, т. е. с ноября 1806 по 7 июля 1807 года. СПб., 1807. С. 101.

⁴⁴ Рутман И.Я. Из Советска -- в Тильзит. Советск, 1993. С. 93.

⁴⁵ См.: Бартошевич В.В. В борьбе с Наполеоном. Киев, 2001. С. 107–118.